

Islamic education Исламское образование

DOI [10.31162/2618-9569-2019-12-1-171-185](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-1-171-185)

УДК 28:378

Original Paper
Оригинальная статья

Особенности имплементации научных познаний академического исламоведения и исламского богословия в систему теологического образования: взгляд из Дербента

Г. Н. Сеидова^{1, 4, 5, а}, Ш. Р. Кашаф^{2, 3, 4, б}

¹ Филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербенте,
г. Дербент, Республика Дагестан, Российская Федерация

² Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

³ Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

⁴ Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных
традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу,
г. Дербент, Республика Дагестан, Российская Федерация

⁵ Музей истории мировых культур и религий,
г. Дербент, Республика Дагестан, Российская Федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2382-7564>, gseidova@yandex.ru

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>, kashaf@ivran.ru

Аннотация: предпринята попытка обращения к опыту богословских традиций и богатейшего многовекового рукописного наследия Северного Кавказа на примере Дагестана и древнего Дербента вкпе с достижениями научного исламоведения для воссоздания богословской школы в современной России. Выражается точка зрения, согласно которой исламское образование должно строиться на сочетании как светского, университетского образования, так и специального духовного, взвешенное равновесие и взаимодействие которых должно стать ключевым принципом концепции деятельности образовательных институтов.

Ключевые слова: богословские традиции; духовное образование; стория и культу-ра ислама; научное исламоведение; отечественная богословская школа; светское образование

Для цитирования: Сеидова Г. Н., Кашаф Ш. Р. Особенности имплементации научных познаний академического исламоведения и исламского богословия в систему теологического образования: взгляд из Дербента. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(1):171–185. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-1-171-185.

How to successfully implement the results of academic Islamic studies into the modern theological education. A positive experience from Derbent

G. N. Seidova^{1, 4, 5, a}, S. R. Kashaf^{2, 3, 4, b}

¹ Department of Legal and Humanitarian Disciplines of the Daghestan State University, Derbent Branch, Derbent, Republic of Dagestan, Russian Federation

² Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

⁴ The UNESCO Department, Chair in Comparative Studies of Spiritual Traditions, Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus, Derbent, Republic of Dagestan, Russian Federation

⁵ Museum of the History of World Cultures and Religions, Derbent, Republic of Dagestan, Russian Federation

^a ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2382-7564>, e-mail: gseidova@yandex.ru

^b ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>, e-mail: kashaf@ivran.ru

Abstract: the article presents an attempt to look anew at the centuries old richest collection of Oriental manuscripts preserved on the territory of the Northern Caucasus (Derbent) in order to revitalize the Islamic theological education in Modern Russia. The authors express their opinion regarding the directions to build up the Islamic education in Russia. According to them, the modern Islamic education should be based upon a symbiosis of the best traditions in the secular and theological education, to be well-balanced and academically sound. In the future, this should become a key principle to channel various activities of the educational bodies.

Keywords: education, secular; education, spiritual; Islam, theology, traditions of; Islam, theology, Russia, school of; Islam, history of; Islam, culture of.

For citation: Seidova G. N., Kashaf Sh. R. How to successfully implement the results of academic Islamic studies into the modern theological education. A positive experience from Derbent. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(1):171–185. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-1-171-185.

Введение

В странах, в которых до определенной степени сохраняется традиционный уклад жизни и сберегаются основы национальной культуры, религия продолжает оставаться важнейшим средством социализации личности и организации повседневной жизни. Этот фактор не утратит особой значимости в традиционном обществе и в обозримом будущем [1, с. 66–83]. Подлинная культура немыслима без преемственности, диалогичности и уважения к наследию прошлого. Дагестан на протяжении всей своей многовековой истории неизменно демонстрирует приверженность этим принципам. На

сегодняшний день в России актуальной общественной задачей становится изучение истории и культуры ислама вкупе с научным преподаванием его основ (исламское образование). В последние годы тема исламского образования выходит в центр научных дискуссий в рамках целого ряда конференций. Ее актуальность была подчеркнута также на совещании Экспертной комиссии по вопросам подготовки и издания учебно-методических комплексов и иных материалов для специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017–2020 гг. Оно состоялось в Дербенте на базе отделения кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу в рамках международной теологической конференции в Дагестанском гуманитарном институте.

Исламское образование: возможности и пределы светскости

Исламское образование должно строиться на сочетании как светского, университетского образования, так и специального духовного, взвешенное равновесие и взаимодействие которых должно стать ключевым принципом концепции деятельности образовательных институтов. Важную роль в области светского образования, связанного с исламом, призвано сыграть исламоведение, а значительным подспорьем может стать многовековое наследие мусульманской мысли. В этом плане опыт Дагестана, древнего Дербента – первого города на территории нынешней России, в котором ислам утвердился первоначально и распространился далее, – представляется весьма полезным. По мнению профессора Т. М. Аминова, «История ислама в целом и мусульманского образования в частности – удивительный пласт мировой культуры» [2, с. 20]. Обращение к богатому рукописному наследию, сосредоточенному в нашей республике примерно в течение десяти веков, и в других мусульманских регионах России, может быть использовано в качестве первоисточников при воссоздании современной отечественной богословской школы.

Попробуем хотя бы пунктирно дать представление об этой сокровищнице. Она включает в себя первоклассные и древние экземпляры текстов. Это Кораны, хадисы, тафсиры, сочинения по мусульманскому праву, догматике, суфизму, этике, логике, философии, математике, грамматике арабского языка, относящиеся к XII–XV вв., вышедшие из-под пера ученых стран Ближнего и Среднего Востока. Есть также множество книг, переписанных местными катибами. Особого внимания заслуживают уникальные памятники культуры – рукописи сочинений местных ученых, датируемые в пределах XI–XIX вв.

Значителен вклад уроженцев Дагестана и в становление отечественного востоковедения. Первым в этой когорте выступает Мирза Казем-бек (1802–1870). Важные страницы его жизни связаны с Казанским университетом.

Именно в Казани в 1845 г. Казем-бек издал знаменитое в мусульманском мире сочинение на арабском языке «Мюхтесеруль вигкает», в русском предисловии к которому была подробно изложена история возникновения и развития мусульманского законодательства. Стремясь быть в курсе событий на своей исторической родине, Казем-бек через Ученый совет Казанского университета добился открытия штатного и внештатного корреспондентского центра в Дербенте, куда были привлечены его отец, духовные лица Мирза Таги Мулла и Хайдар, поэт и ученый Мирза Керим Шуаи [3, с. 212–213]. Из Казани он переехал в Петербург, где стал первым деканом факультета восточных языков и руководителем кафедры персидской словесности. В 1859 г. увидела свет работа «Полный Конкорданс Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства к исследованию религиозных, исторических и литературных начал сей книги», в которой дано систематизированное объяснение всех слов Корана с указанием их места в каждой суре.

Исламская теология: от какого богословского наследия мы не должны отказываться

Большую роль в просвещении местных народов сыграл Гасан-эфенди Алкадари (1834–1910) – общественный деятель, педагог, поэт и ученый. Его знали не только в Азербайджане и России, но и на всем мусульманском Востоке [3, с. 258]. В библиотеке другого дагестанца – Гасана Гузунова (1854–1940) – одних только рукописей было более 400 томов. Это были копии редчайших и ценных трудов арабоязычных и дагестанских ученых и философов. Это наследие удалось сохранить. Во второй половине XIX в. выдвинулась целая плеяда просвещенных горцев: Магомед-эфенди Османов, Магомед Хандиев, Айдемир Чиркеевский, Абдулла Омаров, Аликбер Гайдаров, Г. М. Амиров, Башир Далгат и др. [3, с. 101]. Изучение их творческого наследия представляет значительный интерес для более глубокого постижения духовной культуры горских народов и может послужить делу воссоздания отечественной богословской школы.

По мнению декана факультета востоковедения СПбГУ, профессора М. Б. Пиотровского, основу мусульманского образования должны составить стержневые программы, хрестоматии, своды текстов, учебники и пособия с двумя вариантами для сугубо светского и сугубо духовного обучения, учитывающие две трехчленные системы обучения: «Одна стандартная российская, принятая российскими вузами, и обязательная для получения исламскими духовными вузами государственной регистрации и государственных стандартов. Это: бакалавриат, магистратура, аспирантура. С ней хорошо сочетается трехчленная традиционная система мусульманского образования: куттаб, медресе, университет» [4, с. 44]. Определяющим фактором должна быть опора на научные методологии вне зависимости от этнического или религиозного происхождения исследователя, но было бы предпочти-

тельно готовить специалистов, способных сочетать научные знания об исламе с аутентичным знанием религиозных традиций. С. М. Прозоров утверждает: «Именно в диалектическом взаимодействии общеисламских принципов или норм, и конкретных форм их истолкования – ключ к пониманию этого механизма. Отсюда осознание равноценности и самодостаточности региональных форм ислама как единственно объективных форм бытования этой религии» [5, с. 6].

По мнению А. К. Аликберова: «Знания, которые дает светская наука, невозможно получить в рамках религиозной науки, и наоборот. Точно так же различаются и возможности имплементации этих знаний. Поэтому в некоторых арабских странах, например Ираке, была широко распространена практика получения двойных дипломов о присвоении ученой степени: исламского ‘алима и светского ученого по специальности “Востоковедение” (ал-истишрак). По этому пути, скорее всего, пойдет и исламское образование в России» [6, с. 62, 71–72, 75–76]. Специальность «Теология» (26.00.01), включенная в 2015 г. в состав специальностей ВАК, по своему содержанию близка к религиоведению и философии религии. Исламоведение же обращено к изучению не только исламского богословия, но всего спектра исламской религиозной тематики специфически научными методами.

Изначально в России в авангарде исламских исследований идет санкт-петербургская школа востоковедения, оказавшая влияние на формирование серьезной московской школы исламоведения (ИВ РАН, ИСАА при МГУ), отличающейся комплексным вниманием не только к классическому, но и современному исламу. Заслуживают внимания и многие региональные школы российского академического исламоведения, среди которых достойны упоминания казанская школа (КФУ) и дагестанская школа (ИИАЭ ДНЦ РАН, ДГУ), восходящая к выпускнику Восточного факультета Ленинградского университета А. Р. Шихсаидову. С точки зрения места, роли и значения для ислама исследовательские проблемы в рамках исламоведения решаются комплексно.

Совершенно уместно обратиться как к опыту исламоведческих исследований, так и к богословской традиции на Кавказе, в Дагестане, в древнем Дербенте – городе, откуда вообще началось распространение ислама на территории нынешней России. Здесь имеется огромный объем материалов для исследования, но мы, в силу обстоятельств, кратко обрисуем деятельность ученых-востоковедов и исламских богословов-алимов, чье творчество и становление так или иначе связаны с нашим регионом.

Исторически богословские традиции сформировались на много веков ранее, нежели исламоведческие, поэтому мы начнем с их рассмотрения. Благодаря профессору А. Р. Шихсаидову – создателю и бессменному руководителю школы дагестанского исламоведения, его коллегам, ученикам и соратникам осуществлена огромная работа по выявлению и фиксации

памятников книжной культуры, что позволило дать характеристику рукописного и печатного наследия народов Дагестана на восточных языках, имеющего многовековую историю. Это говорит об устойчивых контактах представителей культуры нашего региона со странами Ближнего Востока и Средней Азии в сфере науки и образования, о развитой книжной культуре и системе просвещения, роли и значении медресе и других форм мусульманского образования.

Дербент! Как много в этом звуке для сердца... мусульманского

Явственно воссоздается феномен Дагестана как одного из крупнейших центров мусульманской культуры на периферии исламского мира. Сюда не только проникали рукописные тексты на арабском, персидском и тюркских языках, но создавались произведения местными авторами как на восточных, так и местных языках на арабографической основе. Было налажено издательское дело, позволявшее издавать и распространять наиболее популярные на Ближнем Востоке работы по мусульманскому праву, «кораническим» наукам, грамматике арабского языка, лексикографии, логике, догматике, суфизму, этике [7, с. 3]. Впервые здесь арабская речь зазвучала около четырнадцати веков назад при завоевании Дербента, переименованного завоевателями в Баб ал-Абваб («Ворота ворот»), который стал не только одним из опорных пунктов для дальнейших завоеваний во всем регионе, но и центром распространения ислама, арабского языка, арабских литературных традиций.

Строительство большой соборной мечети в Дербенте в начале VIII в. по приказу арабского полководца Масламы ибн Абд ал-Малика означало, что этот город, известный как значительный христианский центр в V – первой половине VI в., был превращен арабами в опорный пункт распространения ислама и арабо-мусульманской культуры на всем Северном Кавказе. Преобладание арабского населения и то, что город управлялся правителями, назначаемыми самими халифами, говорит о важнейшей роли Дербента в исламизации региона [8, с. 95–96]. Именно Дербент стал главным центром распространения ближневосточных культурных традиций во всем регионе. Замечательно то, что все достижения науки, техники, культуры, известные на тот период, распространялись по всем уголкам исламского мира: «Раннесредневековый арабский Восток занимал в истории человечества выдающееся место, и в этот великий культурный процесс свою лепту внесли все области мусульманского мира» [7, с. 11]. «Движущие силы» этой культуры – арабский язык и ислам – хотя и проникали в регион с завоевательными походами арабов, но на многие века не только пережили их, но и стали неотъемлемой частью культурной жизни местных народов [9]. Несмотря на то что значительные волны миграции арабского населения, типичные для VIII в., после IX в. пошли на убыль, отдельные арабские семьи, суфии, шейхи, ученые, путешественники не переставали прибывать сюда вплоть до XVII в. [1, с. 397–400].

С историей Дербента связаны имена сподвижников Пророка, халифов, правивших в то время, первых «мучеников», павших здесь за новую веру. Поэтому особого внимания заслуживают хадисы о богоугодности службы в Дербенте, которые возводятся к самому пророку Мухаммаду. Мону-ментальный ритуально-обрядовый комплекс с автономной системой водо-снабжения, связанный с религиозно-культовой жизнью средневекового горо-да, был обнаружен в 2014 г. во время раскопок и, вероятно, имел отношение к центральному кладбищу Баб ал-Абваба, на котором, не исключено, могли быть похоронены некоторые из сподвижников пророка Мухаммада, прини-мавшие участие в арабском походе 644 г. против хазар. Позднее, в XI в., здесь были погребены и 40 мучеников-шахидов, могилы которых стали местом поклонения и дали название этому кладбищу (тюрк. Кырхляр, перс. Чэхэл-танан) [10, с. 798–818].

В Багдаде, основанном как столица Арабского халифата в 762 г., в 1064–1066 гг. сельджукский везир Низам ал-Мулк (ум. в 1092 г.) построил медресе, названное в его честь «ан-Низамийа», ставшее образцом для других учебных заведений, основанных во многих крупных городах Сельджукской империи. В сочинении Закарийа ал-Казвини (1203–1283) «Асар ал-билад ва ахбар ал-`и-бад» («Памятники стран и известия о людях») приводятся сведения о медресе в дагестанском городе Захуре (ныне – село Цахур Рутульского района), осно-ванное по приказу самого Низам ал-Мулка. Там написано: «Все жители горо-да – шафииты. В городе имеется медресе, которое основал везир Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Али ибн Исхак. При медресе имеется учитель (мудар-рис) и факихи» [7, с. 24]. К началу XII в. Дербент располагал собственными медресе и другими учебными центрами. Для сравнения: первое медресе в Мекке было построено в 579/1183 г., а в Тунисе в – 650/1252 г. [7, с. 60].

Об интенсивных связях нашего региона с ближневосточными городами говорят находки множества рукописей. Экспедиция ИИАЭ ДНЦ РАН под руководством А. Р. Шихсаидова в 1978 г. приобрела копию «Шарх ат-Танбих фи-л-фикх» – комментария Абу-л-Аббаса Ахмада ал-Маусили (ум. в 1225 г.) на юридический трактат преподавателя медресе ан-Низамийа Абу Исхака Ибрахима б. Али ал-факих аш-Ширази (ум. в 1083 г.). Переписано в 1291 г. Ахмадом ибн Мухаммадом б. Баба ал-Ардабили. В селении Мишлеш этой же экспедицией был обнаружен еще один комментарий без первых страниц и с поврежденным колофоном на книгу «Танбих», переписанный 7 шабана 694 г. хиджры в медресе ан-Низамийа, что соответствует 22 июня 1295 г., т.е. уже после 1258 г., когда Хулагу-хан разрушил Багдад, что свидетельствует о продолжающейся даже после разгрома города традиции переписывания рукописей [11, с. 149]. Интерес к «Танбих» в Дагестане сохранялся и в после-дующие века. Как видим, упоминаются иранские города – Шираз, Ардабиль. Широкую популярность в Дагестане имел «Минхадж ат-талибин» Абу Закарийа Йахья ибн Шараф Мухйиддина ан-Навави (ум. в 1278 г.) – знаме-

нитого арабского правоведа, хадисоведа и биографа. В Рукописном фонде имеется несколько рукописей сочинения Ан-Навави XV–XVI вв. и 19 недатированных экземпляров, которые можно отнести к XVIII–XIX вв. Также здесь часто использовался комментарий на «Минхадж ат-талибин», написанный египетским ученым Абу Абдаллахом Мухаммадом б. Ахмадом ал-Махалли аш-Шафии (791/1389–864/1459). В Фонде имеются 29 единиц «Ал-Анвар ли а`мал ал-абрар» («Лучи для деяний праведных») Йусуфа ал-Ардабили (ум. в конце XIV в.). Это известный азербайджанский ученый, предположительно, из города Ардабиль, труды которого находили практическое применение в юридической практике XVI–XIX вв. как в шиитском Азербайджане, так и в Дагестане [12, с. 68–69].

А. К. Аликберов отмечает: «XI–XII века – период наивысшего развития мусульманской культуры в Дербенте» [13, с. 221–231]. По мнению дагестанских ученых: «В это время город находился в орбите активных духовных и интеллектуальных поисков представителей религиозных наук всего мусульманского мира. В городе функционировали многочисленные мечети, суфийские маджлисы и обители, возникали и приобретали известность мусульманские святыни и культовые места, которые посещали многочисленные паломники» [10, с. 798–818]. Дербентское общество выдвигало из своей среды крупных теософов и историков, а труды местных ученых-арабистов находили признание за пределами родины. Выходцы из нашего региона учились или вели преподавательскую деятельность во многих городах Ближнего Востока. Это были непосредственно уроженцы Дербента или те, чья деятельность так или иначе была связана с этим городом. Их можно узнать по нисбе ад-Дербенди. Те, кто возвращались на родину, способствовали формированию прослойки грамотных людей, местной интеллигенции. Творчески усвоив достижения арабо-мусульманской культуры, они и сами создавали оригинальные произведения по теологии, философии, истории, естествознанию.

В качестве примера достоин упоминания тот факт, что автором одного из старейших на Востоке известных на сегодняшний день трактатов по суфизму «Райхан ал-хака`ик ва бустан ад-дака`ик» («Базилик истин и сад тонкостей») был уроженец Дербента Абу Бакр Мухаммад ад-Дарбанди. Эта энциклопедия суфийских терминов и морально-этических предписаний подтверждает тесные контакты Дербента и других центров исламской науки и образования, и является ценным источником по истории и культуре средневекового Дагестана [14, с. 410]. Одним из наставников Мухаммада ад-Дарбанди был верховный судья (кади ал-кудат) и руководитель шиитской общины города, покровительствовавший многим ученым, имевший значительный круг учеников и последователей, Ахмад б ал-Хусайн б. Убайдаллах аш-Ши`и ал-Гадаири (ум. в середине XI в.) [15, с. 28]. В Дербенте жил и работал Йусуф б. ал-Хусайн б. Дауд Абу Йакуб ал-Баби ал-Лакзи (ум. до 1089/90 г.) – знаток хадисов и историограф дербентской династии Аглабидов. Именно ему, как было недавно установлено,

принадлежит авторство хроники «Дербенд-наме», протографа (X–XII вв.) знаменитого «Дербенд-наме», составленного в XVII в. Мухаммедом Аваби Акташи [16, с. 63–64].

«Райхан ал-хака`ик ва бустан ад-дака`ик» и ряд других источников позволили установить имена многих ученых из Дербента, связанных как со знаменитым багдадским медресе ан-Низамийя, так и другими центрами образования и культуры исламского мира. География этих связей выглядит впечатляюще. В нее входят города: Мекка, Медина, Багдад, Дамаск, Балх, Александрия, Амул, Нишапур, Рей, Самарканд, Исфахан, Хамадан и др. Одним из наиболее влиятельных наставников многих дербентских факихов и суфиев называют Йусуфа б. Ахмада Абу-л-Касима Ад-Дербенди ал-Фука`и (ум. в середине X в.) [17, с. 96]. Он основал обитель возле захоронения Кырхляр. В Дербенте обрел последнее упокоевание в 1064 г. Абу-л-Валид ал-Хасан б. Мухаммад ад-Дербенди ал-Балхи ас-Суфи – ученик знаменитого автора «Истории Бухары» Абу Абдаллаха Мухаммада б. Ахмада ал-Гунджара (ум. в 1021 г.). Его сын Маммус б. ал-Хасан б. Мухаммад Абу Абдаллах ад-Дербенди (1040–1110), знаток хадисов и историк, был в числе наиболее влиятельных шейхов города. Этот ученый имел контакты с такими выдающимися учеными того времени, как руководитель медресе ан-Низамийя Абу Исхак аш-Ширази, Абу Наср ал-Кушайри и Абу Хамид ал-Газали. В результате новейших исследований установлено, что именно из-под пера Маммуса вышло ценное историческое сочинение «История Ширвана и Дербенда», до этого считавшееся анонимным [18, с. 64].

И это далеко не полный перечень имен ученых, благодаря деятельности которых интеллектуальный облик Дербента приобрел большое значение для дальнейших связей нашего региона с Ближним Востоком. Есть три основных категории источников информации: известные в мусульманском мире библиографические справочники, содержащие сведения о деятельности дагестанских ученых в Багдаде; суфийские трактаты, написанные нашими земляками в городах Ближнего Востока; памятники книжной культуры багдадского медресе ан-Низамийя, обнаруженные в Дагестане. По мнению современных дагестанских историков, развитие Дербента шло «в ногу» с крупными ближневосточными городами, и во всех странах Халифата существовала единая литературная традиция, в регионах приспособленная к местным особенностям [7, с. 92].

Профессор А. Р. Шихсаидов отмечает: «В формировании интеллектуального облика дагестанского общества огромную роль играл историко-культурный диалог двух крупнейших городов средневекового мусульманского Востока – столицы Халифата Багдада и Дербента, столицы одноименного владения (затем – эмирата). Дербентские ученые (прежде всего, знатоки права, хадисов) своим воспитанием и становлением обязаны, в первую очередь, именно Багдаду, багдадским медресе и их профессуре» [7, с. 14–16, 19, 26].

Непрерывающиеся связи между центральными и периферийными регионами мусульманского мира в XI–XIII вв. способствовали дальнейшему расцвету арабской литературной культуры в Дагестане.

Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН располагает датированными рукописями: XII в. представлен 8 экземплярами, XIII – 12, XIV в. – 30 – и за исключением одного или двух они переписаны за пределами Дагестана. Сочинений, переписанных в XV в., – 78, XVI – 70, XVII – 166, XVIII – 408, XIX в. – 591, XX – 93, причем переписка практически всех их была осуществлена здесь [19, с. 154]. К старейшим экземплярам филологических и юридических сочинений, используемых в Дагестане, можно добавить «Ал-Кафия» Джамаладдина Абу Амра Усмана, известного как Ибн ал-Хаджиб (ум. 646/1248 г.). Это один из самых распространенных учебных трактатов по основам синтаксиса арабского языка, переписанный в 773/1372 г. Дийааддином ибн Ибрахимом ал-Казвини, и трактат того же автора «Аш-Шафия», переписанный в 741/1340 г. Имеется также большая научная грамматика арабского языка «Ал-Муфассал» Абу-л-Касима Махмуда ибн Умара аз-Замахшари, с давних пор известная в Дагестане. В Рукописном фонде несколько экземпляров этого сочинения, наиболее старый из которых попал в Дагестан из Ирана, он датируется 871/1466–1467 г. Также в Дагестане через Азербайджан оказался толковый словарь арабского языка «Мугриб фи-л-луга»¹ Абу-л-Фатха Насира ал-Мутаризи (1143–1213).

Самой распространенной в Дагестане была и остается шафиитская правовая школа. К ханифитскому мазхабу принадлежат тюркоязычные кумыки, к джафаритскому – азербайджанцы и переселившиеся из Ирана жители селения Мискинджа, идентифицирующие себя как этнические лезгины, но сохранившие приверженность к шиитскому течению ислама. Одной из наиболее популярных книг была «Ал-Анвар ли а`мал ал-абрар» («Лучи для деяний праведных») – крупнейший памятник мусульманского права, вышедший из-под пера шафиита Джамамаладдина Йусуфа ал-Ардабили (ум. в 1396 г.). Уникальными текстами в фонде представлены сочинения шафиитского правоведа Мухйиаддина Абу Закарии ан-Навави, старейший экземпляр догматического труда которого – «Равдат ат-талибин» – был переписан в 675/1276–1277 г. Мухаммадом б. Абдалмаджид б. Махфуз ал-Ансари². Весьма интересны две очень старые рукописи, приобретенные экспедицией 1979 г. под руководством профессора Шихсаидова: юридический трактат «Китаб ал-азиз фи шарх ан-Ваджиз» («Родная книга относительно комментария на книгу “ан-Ваджиз”»), переписанная Али ибн Ибрахимом аз-За`ином в 688/1289 г.³ Второе сочинение – «Захрат ар-рийад» («Цветок сада») – посвящено вопросам этики и является уникальным. Автор – Сулайман ибн

¹ РФ ИИАЭ. Ф. 14. Оп. 3. № 769.

² РФ ИИАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 770.

³ РФ ИИАЭ. Ф. 14. Оп. 3. № 2852.

Дауд ас-Саксини из города Саксин в низовьях Волги, а переписано Харуном, сыном Ахмада аш-Ширини в 886/1481 г. [20]. Также в Дагестан, прежде всего в Дербент, попали и самые старые экземпляры Корана. Имеющиеся в хранилищах фонда куфические Кораны не имеют датировки, но по полиграфическим особенностям их можно отнести к XII–XIV вв. Самый ранний из хранящихся в Дагестане датированных экземпляров Корана относится к началу XIV в. Он был переписан в Иране и подарен персидским шахом правителю дагестанского селения Кумух⁴.

Имеющиеся в рукописном фонде ДНЦ РАН арабские рукописи, наиболее древние из которых имеют тысячелетний возраст, привозились из Сирии, Турции, Ирана, Азербайджана, Средней Азии и других концов мусульманского мира. Многие из них потом переписывались здесь, на месте, что свидетельствует о наличии серьезной школы арабской каллиграфии. Это сочинения по различным отраслям средневековой науки: арабской грамматике, «кораническим наукам», логике, истории, медицине и значительное число трудов по суфизму. Все это богатство может быть использовано в процессе воссоздания отечественной богословской школы.

Заключение

Сегодня как никогда актуально понимание того, что образование, как базовый процесс в культуре, связано с формированием личности. При этом незыблемым должно быть понимание недопустимости утраты традиционного фундаментального характера российского образования. Представляется совершенно необходимым, чтобы государство, признавая позитивное влияние и вклад религии в социокультурную сферу и сотрудничая с религиозными институтами, выстраивало систему строгих ограничений, направленных против политизации ислама, деструктивной деятельности религиозных движений. Реформирование религиозного и религиоведческого образования должно послужить предотвращению религиозного радикализма, препятствовать распространению экстремизма, вовлечению молодежи в ряды запрещенных террористических организаций.

В настоящее время имеет место значительный рост числа духовных учебных заведений, различных благотворительных учреждений и фондов, расширились возможности совершения паломничества по святым местам. На сегодняшний день одним из условий обеспечения национальной безопасности служит обеспечение религиозной безопасности общества [21, с. 47]. Нам близка позиция профессора М. Б. Пиотровского, который пишет: «В России есть многолетний опыт взаимодействия светских и духовных исследовательских и образовательных институтов. Этот опыт, может быть, не всегда радостно положителен, но всегда интересен, полезен и уникален. Он и является исторической

⁴ РФ ИИАЭ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 283–289.

основой для нового этапа тесного взаимодействия между ними, принятия единой концепции исламского образования или углубленного изучения истории и культуры ислама» [4, с. 50].

Литература

1. Малащенко А. В. Ислам в России: религия и политика. *Исламоведение*. 2010;(3):66–83.
2. Аминов Т. М. Развитие мусульманского образования в Башкортостане: история и современность. *Образование и духовная безопасность*. 2017;(1):20–30.
3. Абдуллаев М. А. *Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»; 1968.
4. Пиотровский М. Б. О некоторых принципах концепции преподавания истории и культуры ислама в России. В: Пиотровский М. Б., Аликберов А. К. (ред.). *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова*. М.: Наука – Восточная литература; 2016.
5. Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература; 2004.
6. Аликберов А. К. Российское исламоведение, его предмет и место в системе гуманитарных знаний (По следам одной научной дискуссии). В: Пиотровский М. Б., Аликберов А. К. (ред.). *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова*. М.: Наука – Восточная литература; 2016.
7. Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала: Дагестанское книжное издательство; 2001.
8. Османов А. И. (ред.). История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Махачкала: Юпитер; 1997.
9. Нурмагомедов А. М. Дагестан и Арабский халифат в раннем средневековье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала; 2007.
10. Гаджиев М. С., Шихсаидов А. Р., Аликберов А. К. Арабские эпиграфические тексты XI–XII вв. на ограде новооткрытого мемориального комплекса исторического Баб ал-Абваба. В: Пиотровский М. Б., Аликберов А. К. (ред.). *Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова*. М.: Наука – Восточная литература; 2016.
11. Халидов А. Б. (ред.). Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР. Ч. 1. М.; 1986.
12. Мамедалиев В. И. «Ал-Анвар» как крупнейший памятник мусульманского права. Научные труды Азербайджанского университета. Серия юридических наук. 1979;(1):68–69.
13. Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия *Райхан ал-хака`ик (XI–XII вв.)*. М.: Восточная литература; 2003.
14. Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. *История Дагестана с древнейших времен до конца XV века*. Махачкала: ДНЦ РАН; 1996.

15. Аликберов А. К. Ад-Дарбанди Мухаммад. В: Прозоров С. М. (ред.). Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. М.: Восточная литература; 1998.

16. Аликберов А. К. Ал-Лакзи Йусуф. В: Прозоров С. М. (ред.). Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. М.: Восточная литература; 1998.

17. Аликберов А. К. Ал-Фука`и. В: Прозоров С. М. (ред.). Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. М.: Восточная литература; 1998.

18. Аликберов А. К. Ал-Лакзи Маммус. В: Прозоров С. М. (ред.). Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 1. М.: Восточная литература; 1998.

19. Шихсаидов А. Р. Археографическая работа в Дагестане: учет, описание и приобретение. В: *Archaeographie Orientalis*: материалы Всесоюзного рабочего совещания по проблемам восточной археографии, г. Ленинград, 1–4 марта 1988 г. М.: Наука; 1990.

20. Шихсаидов А. Р., Саидов М.-С., Айтберов Т. М., Исаев А. И., Оразаев Г. М., Мирзамагомедов Г. М. Итоги археографической экспедиции. В: *Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 гг. (Тезисы докладов)*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР; 1980.

21. Кашаф Ш. Р. Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России. *Ислам в современном мире*. 2015;11(4):47. DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-4-47-62](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-47-62).

References

1. Malashenko A. V. Islamovedeniye. Islam in Russia: Religion and Politics. *Islamic Studies*. 2010;(3):66–83. (In Russ.)

2. Aminov T. M. The development of Muslim education in Bashkortostan: history and modernity. *Obrazovaniye i dukhovnaya bezopasnost*. 2017;(1):20–30. (In Russ.)

3. Abdullaev M. A. *From the history of philosophical and socio-political thought of the peoples of Dagestan in the XIX*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka"; 1968. (In Russ.)

4. Piotrovsky M. B. About some principles of the concept of teaching the history and culture of Islam in Russia. In: Piotrovsky M. B., Alikberov A. K. (eds). *Ars Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov*. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura; 2016. (In Russ.)

5. Prozorov S. M. *Islam as an ideological system*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2004. 471 l. (In Russ.)

6. Alikberov A. K. Russian Islamic Studies, its subject and place in the system of humanitarian knowledge (Following the footsteps of one scientific discussion). In: Piotrovsky M. B., Alikberov A. K. (eds). *Ars Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov*. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura; 2016. (In Russ.)

7. Shikhsaidov A. R., Tagirova N. A., Gadzhieva D. H. *Arab manuscript book in Dagestan*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo; 2001. 256 pp. (In Russ.)
8. Osmanov A. I. (ed.). *The history of Dagestan from ancient times to our days*. Makhachkala: Yupiter; 1997. (In Russ.)
9. Nurmagomedov A. M. *Dagestan and the Arab Caliphate in the early Middle Ages. PhD Thesis (Hist.)*. Makhachkala; 2007. (In Russ.)
10. Gadzhiev M. S., Shikhsaidov A. R., Alikberov A. K. Arab epigraphic texts 11–12 centuries. On the fence of the newly-discovered memorial complex of the historical Bab al-Abwab. In: Piotrovsky M. B., Alikberov A. K. (eds). *Ars Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov*. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura; 2016. (In Russ.)
11. Khalidov A. B. (ed.). *Arab manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Short catalog*. Part I. M.; 1986. (In Russ.)
12. Mamedaliev V. I. “Al-Anwar” as the largest monument of Muslim law. *Nauchnye trudy Azerbaidzhanskogo universiteta. Seriya yuridicheskikh nauk*. 1979;(1):68–69. (In Russ.)
13. Alikberov A. K. *The era of classical Islam in the Caucasus. Abu Bakr ad-Darbandi and his Sufi encyclopedia Raikhan al-haka'ik (11–12 centuries)*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003. (In Russ.)
14. Gadzhiev M. G., Davudov O. M., Shikhsaidov A. R. *The history of Dagestan from ancient times to the end of the 15th century*. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 1996. (In Russ.)
15. Alikberov A. K. Ad-Darbandi Muhammad. In: Prozorov S. M. (ed.). *Islam in the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Iss. 1. Moscow: Vostochnaya literatura; 1998 (In Russ.)
16. Alikberov A. K. Al-Laxi Yusuf. In: Prozorov S. M. (ed.). *Islam in the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Iss. 1. Moscow: Vostochnaya literatura; 1998. (In Russ.)
17. Alikberov A. K. Al-Fuka`yi. In: Prozorov S. M. (ed.). *Islam in the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Iss. 1. Moscow: Vostochnaya literatura; 1998. (In Russ.)
18. Alikberov A. K. Al-Lakzi Mammus. In: Prozorov S. M. (ed.). *Islam in the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary*. Iss. 1. Moscow: Vostochnaya literatura; M., 1998. (In Russ.)
19. Shikhsaidov A. R. Archaeographic work in Dagestan: accounting, description and acquisition. In: *Archaeographie Orientalis. Materials of the All-Union Workshop on the Problems of Eastern Archeography. Leningrad, 1–4 March 1988*. Moscow: Nauka; 1990. (In Russ.)
20. Shikhsaidov A. R., Saidov M.-S., Aitberov T. M., Isaev A. I., Orazhev G. M., Mirzamagomedov G. M. Results of the archeographic expedition. In: *Materials of the session devoted to the results of expeditionary research in Dagestan in 1978–1979*. (Thesis report). Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences; 1980. (In Russ.)
21. Kashaf S. R. Modernization of Islamic education as a factor of Russia's religious and national security. *Islam in the modern world*. 2015;11(4):47-62. (In Russ.) DOI: [10.20536/2074-1529-2015-11-4-47-62](https://doi.org/10.20536/2074-1529-2015-11-4-47-62).

Информация об авторах

Сеидова Гюльчохра Надировна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского гуманитарного университета в г. Дербенте; заведующая отделением кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу; научный консультант ГБУ Республики Дагестан «Музей истории мировых культур и религий», г. Дербент, Российская Федерация.

Кашаф Шамиль Равильевич, научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН, г. Москва; научный сотрудник Ресурсного центра по развитию исламского и исламоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу (г. Дербент), Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 8 января 2019 г.
Одобрена рецензентами: 4 февраля 2019 г.
Принята к публикации: 13 февраля 2019 г.

Information about the authors

Goulchokhra N. Seidova, Ph. D, Associate Pofessor, Professor of the Department of Legal and Humanitarian Disciplines of the DSU Branch in Derbent, Head of Department of the UNESCO Chair in Comparative Studies of Spiritual Traditions, Specifics of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus, Derbent, SBI RD 'Museum of the History of World Cultures and Religions', Derbent, Republic of Dagestan, Russian Federation.

Shamil R. Kashaf, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Department of Central Asian, Caucasus and Ural-Volga Region, Research Fellow, Moscow; Resource Centre for the Development of Islamic and Islamic Studies Education, Institute of International Relations, Research Fellow, Kazan Federal University, Kazan; Department of the UNESCO Chair in Comparative Studies of Spiritual Traditions, Specifics of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus, Derbent, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Authors contributed

These authors contributed equally to this work.

Article info

Received: January 8, 2019
Reviewed: February 4, 2019
Accepted: February 13, 2019